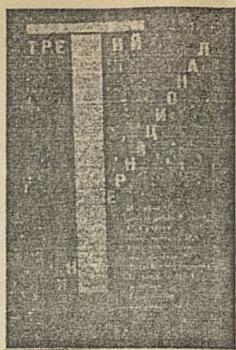

ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ
ПОЭТ И ЦАРЬ

9

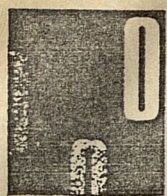
ЛЕНИН — СТАЛИН

ПОЕДИНОК, которого не было

Фрагменты

ПОЕДИНОК, которого не было

Насильственный уход из жизни любого человека, а уж великого тем более, неизменно порождает множество слухов, предположений, версий и т. д. Маяковский — не исключение. Появился уже целый ряд публикаций, авторы которых склоняют читателя к мысли о вмешательстве, как теперь говорят, властных структур в судьбу поэта. Одна из недавних статей такого рода — «Самоубийство Маяковского могли внушить», принадлежащая поэту-литературоведу К.Кедрову.

ДИН из разделов статьи для исследователей творчества Маяковского прозвучит, полагаю, весьма неожиданно: «Поединок со Сталиным». Речь о том, что будто бы «переполнило чашу терпения Победоносикова — Джугашвили» в 1930 г., в год постановки

«Бани».

Сопоставление Сталина с высмеиваемым взрыв бюрократом из сатирической комедии не представляется убедительным. Так же как и пассаж об изымавшихся из поэмы о Ленине строках, в которых энергично опровергается представление о том, что Ленин был «вождь милостию божьей». А завершались строки двуступенчатым: «Я бросал бы в небо богохульства, По Кремлю бы бомбами метал «дой-лой!»

Верно, «дураком Сталин не был». Не был он, однако, и человеком, совсем уж ничего не понимавшим в поэзии (хотя, конечно же, утонченным художественным вкусом не обладал). И экспрессивную метафору-иносказание вполне мог отличить от крамольного призыва к терроризму. Но ведь куда клонит наш автор: «В 1925 году, когда строки эти были написаны (почему в 1925-м, ведь поэма завершена в 1924 году? — В.Б.), он «сделал вид, что поэма ему очень понравилась, но в 30-м году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали».

Увы, между категоричностью этого вывода и системой доказательств — дистанция весьма внушительного размера... Уязвимость позиции К.Кедрова состоит в том, что, тщательно подбирая данные, подтверждающие его версию, и не гнушаясь никакой «мелочью», он обходит другие факты, кои с версией расходятся.

Как тут не вспомнить, к примеру, стихотворение «Домой!» с его известными строками о желании поэта, чтобы о работе стихов на Политбюро делал доклад Сталин. Написано оно было, кстати, в 1925 году, когда сталинское единовластие еще далеко не утвердилось окончательно, и в условиях острой внутрипартийной борьбы слова известного поэта прозвучали как весьма основательная поддержка будущему вождю.

Но дело не только в этих словах, которые часто берутся изолированно от той последовательной программы огосударствления искусства, его большевизации, которую провозглашает в поэзии Маяковский. Это отсюда же — «я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год». Но, оказывается, заданий мало. «Я хочу, чтоб над

мыслью времен комиссар с приказанием нависал». И, наконец, еще одно заветное желание: «Я хочу, чтоб в конце работы завком заперал мои губы замком». Процесс планового поэтического производства завершен, а об итогах его — судить Сталину.

Заметим — лидеру партии, а не государства. Маяковский очень хорошо ориентировался в политической конъюнктуре. Может быть, лучше других художников он начинает понимать, что происходит процесс создания небывалого в мире партийного государства.

Мог ли Сталин быть недозволен такой концепцией? Да о большем он и не мечтал!..

В 1929 году Сталин решил добиться «великого перелома» во всем, включая и положение писателя в обществе. Была развернута кампания невиданной травли, направленной против Е.Замятина и Б.Пильняка в связи с публикацией их произведений на Западе (хотя и другие печатались там тоже).

Маяковский не просто поддержал тех, кто «единодушно осудил». Свою точку зрения он сформулировал с присущей ему полемической заостренностью и тем самым, пожалуй, завоевал право на самый печальный, быть может, приоритет. «Повесть о «Красном дереве» Бориса Пильняка (так, что ли?), впрочем, я другие повести и его и многих других не читал», но «в сегодняшние дни густеющих туч это равно фронтовой измене».

Думаю, всем ясно, как могла сложиться судьба писателя, против которого выдвигалось такое чисто политическое обвинение. Б.Пильняка и Е.Замятина спас М.Горький, который один, буквально один выступил в их защиту против «единодушников». И Сталин вынужден был послушать его, потому что он, Горький, был ему нужнее других писателей...

«Обложили со всех сторон», — пишет К.Кедров о Маяковском. Руководствуясь чем, собственно? Чего добиваясь? Устранения наидобросовестнейшего исполнителя деяний, в высшей мере необходимых высшему начальству? 21 января 1930 года, за три месяца до смерти, «обложенный» поэт читает на траурном ленинском вечере в Большом театре третью часть поэмы. «В президиуме — товарищ Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов, Ярославский и др.», —

сообщает пресса, выделив среди участников концерта персонально лишь Маяковского. Первый придворный поэт эпохи построения социалистического общества? Или травимый властью, обложенный, загнанный в угол? Кто он?..

Ну, и уж совершенно непонятно, почему К. Кедров обходит ту итоговую оценку, которую дал Сталин Маяковскому как лучшему, талантливейшему поэту нашей советской эпохи. Столь недвусмысленной оценки вождю показалось мало, и он добавил, что забвение памяти поэта — преступление. То есть раздалась команда к канонизации Маяковского. Напомню, что сталинские слова прозвучали в декабре 1935 года и предваряли они те зна-

НЕ БЫЛО

менитые четыре статьи, начиная с «Сумбура вместо музыки» о Шостаковиче (а потом — о живописи, балете и архитектуре), которые в ходе так называемой кампании по борьбе с формализмом утверждали наступление эры ждановщины в искусстве.

В сложившейся в середине 30-х годов ситуации Сталин использовал имя Маяковского против Горького, с которым после убийства Кирова отношения испортились наконец, и против Бухарина, который на I съезде писателей отдавал предпочтение Пастернаку перед Маяковским...

Сталину надо было, чтоб с Маяковского эти строптивцы писатели брали пример в главном: в послушном выполнении воли всевидящего и всепонимающего руководства.

Я видел задачу этих заметок в том, чтобы выразить свое критическое отношение к версии о насильственном устранении Маяковского...

Что и говорить, в послеоктябрьской истории нашей родины множество страниц, писанных кровью. Не потому ли возникает немалый соблазн трагедию любой крупной личности напрямую связать со злодеяниями тоталитарного режима? Но в таких вопросах излишнее усердие не помогает установлению истины. Факты, только они создают прочный фундамент для превращения гипотезы в концепцию. Превеличенно «обществоведческий» уклон не помогает распутывать сложность жизни.

А у гигантской личности — сугубо свой жизненный ритм, своя индивидуальная судьба и свое право распоряжаться ею.

В. БАРАНОВ
«Известия»

ЗВУКОВЫЕ МЕМОАРЫ

Дувакин: Очень хорошо. Тогда я задам Вам один вопрос. Во всей травле, которая сейчас ведется против Вас, есть такой узловой момент в системе аргументов: Лиля Брик через Агранова, который был ее любовником, не пустила Маяковского в Париж, поэтому у него ничего не вышло с Татьяной Яковлевой и поэтому он застрелился. Вот такой примитивный ход мыслей.

Брик: Ему никогда никто не отказывал в визе.

Дувакин: Это факт?

Брик: Факт. Я даю руку на отсечение. Никогда не было отказа. Мало того, он нам достал разрешение, Осипу Мак-

симовичу и мне, чтобы поехать в Лондон к моей маме. Нас не пускали, больше полгода манежили, разрешение выехать нам не давали. И наконец Маяковский пошел к Кагановичу. Пришел от Кагановича очень веселый, сказал: «Лилечка, какое счастье, когда хоть что-нибудь удается». Он был у Кагановича и сказал там, что нам и не отказывают, и не разрешают. Тот будто бы смеялся очень и написал на заявлении, чтобы нам дали разрешение или визу, я уж не помню. И мы тут же выехали, очень скоро. Так что о том, чтобы Владимир Владимирович не получил визы, не может

быть и речи. Он в любой момент мог поехать, куда он хочет, в любую часть земного шара.

Дувакин: Но это кокет из книжки в книжку, что ему после последней поездки целый год не давали разрешения. В чем причина?

Брик: Да не было этого! Ничего не было!

Дувакин: Хорошо, вот это мне и важно было, чтобы Вы это сказали, потому что Вы нигде об этом не сказали во всеуслышанье.

Брик: Меня никто не спрашивал.